

*Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Брест,
Беларусь*

ПАРЕМИИ В ГОВОРЕ ДЕРЕВНИ ВУЛЬКА ЛАВСКАЯ ПИНСКОГО РАЙОНА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье проводится анализ паремий как знаков истории, культуры и языка, бытующих в отдельном населенном пункте; устанавливается зависимость их состава, когнитивного содержания и этимологических характеристик от экстралингвистических социокультурных факторов; делается вывод о специфике формирования и функционирования паремического фонда в региональном говоре пограничного селения.

Ключевые слова: *местный говор, паремии, семантико-прагматическая организация, этимология, динамика состава.*

«Што ні край, то свой звычай», – говорят в Беларуси. Это утверждение справедливо не только для каждой страны, но нередко и для каждой отдельной местности. Интересное, особенное, неповторимое существует в бытовом укладе и способах хозяйствования, в народных обрядах и культурных традициях, в речевых оборотах и оценочных высказываниях, характерных даже для одного населенного пункта. Такая самобытность находит специфическое отражение и в паремиях местного говора. Об этом свидетельствует паремический запас говора деревни Вулька Лавская Пинского района Брестской области, где прошло моё детство.

Паремии – это относительно самостоятельный пласт языковых выражений. Указанный термин не имеет строгой дефиниции, так как одни исследователи относят к паремиям устойчивые фразеологические единицы, представляющие собой целостное предложение дидактического содержания [3, с. 5], а другие допускают существование и паремий-словосочетаний, определяя паремии в целом как «афоризмы народного происхождения, характеризующиеся лаконичностью формы, воспроизводимостью значения и имеющие, как правило, назидательный смысл» [2, с. 242]

Традиционно к паремиям относят пословицы и поговорки, но, если судить по старинным сборникам, паремический фонд включает и другие формы народной афористики – присловья, прибаутки, загадки, приметы и т. д. В говоре воленцев – так исконно называли жителей деревни Вулька Лавская – этот фонд тоже в первую очередь составляют пословицы (*За дурною головою і ногам нема́ спокою; Хто простуе, той дома не ночуе; Рада душа до раю, а грэхі не пускають*) и поговорки (*Бэз прычыны і собачы хвуст не тэлекаецца; Пошлі дурного, а за ім другога; Пшышла кóза до воза*); но существуют сельскохозяйственные и другие приметы (*Кот умываецца – гості будуць; Як на Громніцы нап'ецца півень водіцы, то на Міколу найісца вул травіцы*); приговорки (*На коўбасу очы напасу, а хліба найімса; Як гуляў, то гуляў: ні чобут, ні халяў. Одны только перодкі, да і тые короткі; Плакаў-плакаў – Буг однакоў, стаў скакати – стаў Буг помагати*); суеверия (*Кажды*

хлеб до себе крае); загадки (*Чорный цыганішчэ посьруд печы свішчэ* – о сковородке на огне; *Коб устала, то й до неба достала* – о дороге); пожелания (*Хай Бозя годуе и долю шыкуе* – при рождении ребенка); проклятия, выражающие недовольство и раздражение (*Коб ты просудоміўса; Трасца твоёй мамы; Шчоб тебэ холера ўзяла* и т. п.); пожелания и призывы (*Дай Буг нашому теляті воўка зловаті / споймати* – ироничное пожелание успеха; *Брунь Божэ; Гвалт, ратунку!*); другие экспрессивные единицы (*Капóрэ ёго бэры́* ‘не стоит внимания’; *Йді к манахам* ‘отстань’; *Коб твое ліхо пропало!* – снисходительно выраженное недовольство, а также восхищение и др.

Паремический фонд говора деревни Вулька Лавская не только имеет в своем составе устойчивые единицы разного типа, но интересен и во многих других аспектах: в фонетической огласовке слов, в ритмическом оформлении, в содержательном отношении, в стилистических характеристиках, в активности использования, в генетическом плане. Самобытность паремий отражает общую неповторимость местного говора, истоки которой кроются в более чем трехсотлетней истории деревни, в своеобразии социокультурных обстоятельств ее возникновения и последующего заселения, в пограничном ее положении.

Биография Вульки Лавской, где сейчас насчитывается около 40 человек, а в былые лучшие времена – около 340 жителей, берет начало от рубежа XVII–XVIII веков и включает множество событий. Деревенька в разные годы была частью Речи Посполитой, Российского государства, Польши, СССР и Беларуси. Возникла Вулька Лавская как вольное поселение (от польск. *Wólka*) на землях с обширными лесными и пахотными угодьями, которые, вместе с дворянским званием, были дарованы одним из магнатов Речи Посполитой своему эконому, по фамилии Марцинкевич. Представители этой фамилии, основавшие деревню, исконно использовали польский язык, подражая господам и таким образом утверждаясь в дворянском звании. Не случайно еще во второй половине XX века сохранялось характерное название коренных жителей и их потомков – «*пане волене*». Косвенно об этом свидетельствует и быт старожилов, который был всегда близок к быту городского мещанства. Впоследствии польский язык с разной степенью интенсивности проявлялся у этой избранной части воленцев на всех уровнях местного говора в виде специфического языкового субстрата. Однако в окрестностях деревни одновременно проживали и простые крестьяне-полешуки, говор которых исконно относился к юго-западным загородским диалектам и имел совершенно иные специфические черты в фонетике, лексике и грамматике [5]. С конца XVIII века деревня оказалась в границах Российской империи (в связи с разделами Речи Посполитой). Языком культуры и управления стал русский язык, что обусловило некоторое его суперстратное влияние на местную речь. Кстати, предположительно именно тогда состоялся переход в православие большинства Марцинкевичей, исконно исповедующих католичество. Принимая во внимание названные факторы, можно говорить, что в местном говоре на протяжении его многовековой истории происходило сложное и разнонаправленное взаимодействие диалектов разных славянских языков. Оно находит проявление в различающейся фонетической огласовке слов в паремиях, сравним: *У тiхому болоті чэртi водзяца – Тыха вода грэблю рвэ; Шчоб людi не ўмералi, то б небо подпіралi – Як умэр богатыр, то*

собраўса ўвэсь мір, а як ўмэр беднячок – только пуп да дьячок; Була ў попа собака – Была б шыя, а хамут найдецца; Шчо мае буті, того не мінуті – Цо задужо, то не здорова – Говорат, што кур доят; Як нема́ шчасця, то і за грошы не купіш – На козаку нема́ знаку и др.

В годы Первой мировой войны по деревне и окрестностям прокатились пожары боевых столкновений между русской и германской армиями. В местных лесах до сих пор остаются окопы и доты тех времен. Оккупированная немцами Вулька Лавская была освобождена 9 сентября 2015 года гусарами уланского полка 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии [8]. В упомянутом полку служил русский поэт Николай Гумилев, описавший свои впечатления от войны в «Записках кавалериста». В главе XIV он вспоминал: «Весь конец этого лета для меня связан с воспоминаниями об освобожденном и торжествующем пламени. Мы прикрывали общий отход и перед носом немцев поджигали все, что могло гореть: хлеб, сараи, пустые деревни, помещичьи усадьбы и дворцы» [4]. Однако наша деревня каждый раз не только отстраивалась, но и достраивалась. После заключения Брестского мира Вулька Лавская и ее окрестности снова оказались в границах Польши, в Полесском воеводстве. В деревню вернулись многие из ее жителей, ранее эмигрировавшие в Польшу, что, возможно, обусловило и «реанимацию» в местном говоре некоторых польских слов и выражений.

В сентябре 1939 года наше селение стало частью Советской Белоруссии, и драматическими вехами последующей его судьбы, как и судеб большей части западнобелорусских деревень, стали массовые репрессии и высылка состоятельных земледельцев, Великая Отечественная война, фашистская оккупация, партизанское движение. С наступлением регулярной советской армии в 1943 году за сотрудничество с партизанами деревня была сожжена уже почти полностью (уцелело только 4 из довоенных усадеб) [7, с. 576], но воленцы тут же начали отстраивать свои дома на старых пепелищах. Послевоенная Вулька Лавская постоянно разрасталась, и ее говор становился все разнообразнее и богаче, потому что в деревне оседали семьи беженцев, а с созданием колхоза сюда были переселены жители окрестных хуторов, появились новосёлы из соседних деревень.

Ситуация изменяется с началом 70-х годов, после паспортизации сельского населения, когда начинается массовый отток молодежи в растущие города, а демографический спад в сельской местности становится необратимым и неуклонно ведёт к вымиранию деревень. Интереснейший местный говор Вульки Лавской, складывавшийся на протяжении более чем трех столетий, тоже оказывается обреченным на исчезновение, его выразительные специфические характеристики к настоящему времени почти полностью стираются. Поэтому таким важным и необходимым представляется изучение уходящих языковых богатств этого говора.

Паремии не случайно передавались от поколения к поколению и сохранялись в памяти старожилов. Они не только образны, но и эмоциональны (*На покляклэ дрэво і козы скачуть* – сочувствие к беззащитным старикам; *Обецанкі – цацанкі, а дурнэму радосць* – осуждение излишней доверчивости; *Пшышла кóза до воза* – злорадство от появления возможности проучить обидчика и др.). В существенной мере способствует их запоминанию наличие рифмы (*Бэз Бога ні до порога; Круті не круті, а трэба ўмерті; Не тыч носа ў чужэе просо; З вэлікого пэрэбору выбраў*

Сёру; Вырос до неба, а дурны як не трэба; Слядэм за дзядэм, Як перэночуем, то бульш почуем), ярких сопоставлений (*Богатому чорт і ў кашу валіць, а бідному – і ў поліўку лье; Старость не радость, а горб не корысть; Як не понос, то золотуха; Я бульш забуў, чым ты знаеш; Шчо ўбіў, то ўехаў; За шчо купіў, за тэ і продаю*); метких сравнений (*Скрывіўса, як серэда на пятніцу – о недовольном выражении лица; Наробіўса, гэбы моркач у спасоўку – о неоправданных жалобах на усталость; Потрэбны, як собацы пятая нога – об абсолютной ненужности чего-либо; П'яны як бэля; Закон як дышло...; Баба як жаба*) и др.

Нужно принять во внимание и определённую семантико-прагматическую организацию устойчивых изречений, функционирующих в говоре Вульки Лавской. В них закреплены выработанные в данной местности алгоритмы социального и межличностного взаимодействия, выражены социально-поведенческие нормы, соответствующие местным традициям. Пословицы и поговорки местного говора лаконично, но метко представляли статичные и динамичные ситуации, значимые в повседневной жизни сельчан: социальные отношения и принципы (*Закон як дышло: куды повэрнеш – туды і вышло; Не подмажэш – не пойдеш*), житейские проблемы (*Не мяла баба клопоту, то купіла поросю; На безрыб'ю і рак рыба*); семейные коллизии (*Бачылі очы, шчо куплялі, а тепэр плачце, хоч повылазьте – о несчастливом супружестве*); оценивали ход событий (*Шчось у лісі здохло – о неожиданном повороте происходящего; З вэлікой хмары малы дошч – о несоответствии результата ожиданиям; Була ў попа собака – о повторении ситуации; Шчо з возу ўпало, тэе пропало – о необходимости мириться с потерями*) и др. Еще чаще объектом оценки в паремиях выступал человек, которого меткие народные высказывания могли выразительно и эмоционально характеризовать по социальному статусу (*Відно пана по халявах*), поведению (*Под лежачы камень вода не течэ*), характеру (*Тыха вода грэблю рвэ*), родственным связям (*Ні сват ні брат; Трэіті руд / помыйный руд – о гостях на свадьбе, не являющихся родственниками, но рассчитывающих на угощение*); позитивно или негативно оценивать деловые качества лица (*Хто дбае, той і мае – о рачительном хозяине; Наша Сёра / Сора то шые, то порэ – о неумелой портнихе*), успешность / никчёмность (*Хто рано ўстае, тому Буг дае – о трудолюбивом человеке; Ані Богу, ані людям – о неприспособленным к жизни; На кого Бог, на того й люді – о вечном неудачнике*), внешность (*Баба як жаба; Хлопец як лялька*) и др. О закреплённости в паремиях социальных норм часто свидетельствует их синтаксическое строение: они содержат глагольные формы в императиве и звучат как общественный запрет, или прямое предписание, или руководство к действию: **Не руш** чужого і не буйса нікого; **Не кажы** “Ну! – не запрагаў!; **Не буді** ліхо, покуль онэ тыхо; **Не тыч** носа ў чужэе просо; **Не лізь** ўпэрод батька ў пэкло!; **Не кажы** “Гоп!”, покуль не пэрэскочыў; **Йіж** пірог з грыбамі, **держы** язык за зубамі; **Пошли** дурного, а за ім другого и т. п.

Анализ собранного материала показывает, что в говоре Вульки Лавской можно выделить активную и пассивную части паремий. Активно функционируют в речи всех жителей, к примеру, следующие выражения пословичного характера: *Хто дбае, той і мае; Узяўса за гуж – не кажы, шчо не дуж; Баба з колёс – колёсам лёгчэ; Баба свое – чорт свое; Шчо з воза ўпало, тое пропало; Гультай за дело – мозоль за тело; Шчо дорого, то мілэ, шчо дёшэво, то гнілэ* и мн. др. Широко употребительны и

поговорки: *На бэзрыб'ю і рак рыба; Не буді ліхо, покуль онэ тіхо; Робота дурня любіть; На, тобі, Божэ, шчо мні не гождэ; Дыма бэз огня не бувае; Дуракам закон не пісан; Муж і жунка – найліпша спулка; Бэз прычыны і собака не брэшэ; Про воўка помоўка, а он на поруг; Блізко відать, да далёко дыбать* и мн. др. К таким паремиям, как правило, имеются соответствия и параллели в современных восточнославянских и польском языках, сравним: *Взялся за гуж, не говори, что не дюж* (рус.); *На безрыбье и рак рыба* (рус.); *Муж и жена – одна сатана* (рус.); *Што з возу ўпала, тое прапала* (бел.); *На, табе, Божя, што мне не гожа* (бел.); *Як прывык да ляносці, то ад працы баляць косці* (бел.); *Аби шия – а ярмо завжди буде* (укр.); *На тобі, Гаврило, що мені неміло* (укр.); *Не чінай лихо, доки воно тихо* (укр.); *Baba z wozi – koniom lżej* (польск.); *Co drogie, to mile – co tanie, to zgnile* (польск.); *Nie wtykaj nosa w nieswoje sprawy* (польск.) и др.

Вместе с тем в исследуемом говоре существует заповедная часть образного и экспрессивного национального паремического фонда, которую современные информанты, люди восьмидесятилетнего и выше возраста, сами не используют, а помнят только в речи своих родителей. Это оригинальные, редкие, примечательные изречения. Они, прежде всего, закрепляли многовековые наблюдения наших предков над природными явлениями. Например, суждение о неустойчивости погоды ранней весной фиксируется в устаревших паремиях: *У марцы померзнуть і старцы; Прыйшоў марэц – поморозіў палец; Прыйшоў вербіч – кожух тэрбіч*. Выражению веры в обязательный приход весны, однако, служила поговорка *Трэшчы не трэшчы, а ўжэ мінулі водохрышчы*. Специфическими знаками древности названных изречений выступают отмеченные в их структуре темпоральные номинации *марэц* (март), *вербіч* (Вербное воскресенье), *водохрышчы* (народное название праздника Крещения), а также лексема *старэц* 'нищий'. Название марта в польской огласовке позволяет отнести поговорку ко временам Речи Посполитой. Слово *старэц* обозначает реалию XVIII–XIX вв. Использование названий христианских праздников в качестве временных ориентиров было характерно ещё для древнерусского, а позже и старобелорусского народного календаря. По этой причине к пассивному паремическому запасу принадлежат и народные сентенции, связанные с сельскохозяйственным трудом и бытовыми приметам: *У дурня – сіна до Юр'я, а у розумного – до Міколы, то не бедуе ніколі* (день святого Юрия праздновался 6 мая, а весеннего Николая – 22 мая); *На Варвару мороз дорогу заварыць, на Міколу – загвоздзіць, а на Ганкі – запрагай у санкі* (святой великомученице Варваре посвящен день 17 декабря, Николе зимнему – 19 декабря, святой Анне – 22 декабря).

Кроме этого, архаичными изречениями следует считать паремии, в которых запечатлены ставшие неактуальными социальные отношения (*Богатому заўшэ свято; Богаты бідному не оболіць – поперод ёго с торбою ходіць; Боліць глуўка – паньска вымуўка*), или реалии, характерные для далекого прошлого (*Балі да гулі ў лапці обулі; Чым бык навук, того і волон не одучыш* – о силе привычки). Например, архаичность поговорки *Відно пана по холявах* объясняется тем, что в ней сохраняется информация об обычаях польского дворянства носить сапоги с цветными голенищами. В сборнике Самуэля Адальберга «*Księga przysłów, przyrównań i wyrażen przysłowiowych polskich*» (1889–1894 гг.) приводится

выражение «*Czerwone i żółte cholewy do stołu, a czarne za drzwiami*», которое автор сопровождает пояснением, что в гостях богатым господам достаются лучшие места, а бедными людьми пренебрегают, и комментарием о том, что в давние времена сапоги польских панов и магнатов имели голенища из разноцветных дорогих материалов и кожи [1, с. 115].

Паремический запас говора деревни Вулька Лавская неоднороден генетически, что объективно обусловлено историей возникновения и пограничного положения селения. Однако определенно установить источник происхождения того или иного изречения проблематично, так для значительной части паремий существуют межъязыковые соответствия, несущественно отличающиеся в плане выражения. Сравним: *Дурню закон не писан – Дурням закон не писаний!* (укр.) – *Дуракам закон не писан* (рус.); *Круті не круті, а трэба ўмерці – Што будзе, то будзе, а дзве смерці не будзе* (бел.) – *Двум смертям не бывать, а одной не миновать* (рус.). Вместе с тем в ряде случаев о происхождении паремий отчетливо говорит языковой план их выражения. По этой причине бесспорна этимологическая связь с польским языком таких изречений, как *Тэн за тэн, а дармо – ніц!* – русское соответствие *Баиш на баиш* (но ничего даром); *Бяло не бяло, абы воду відзяло* – о небрежной стирке; *Цо задужо, то не здрово* – о необходимости соблюдать меру; *Болі глуўка – паньска вымуўка* – о том, что ссылаться на головную боль свойственно господам; *Пшышла кóза до воза* (сравним: *Przydże koza do woza i zawoła: mee, a ja powem: nie!* [1, с. 289]); *На козáку нéма знаку* – о том, почему внебрачная связь для мужчин не является позором; *Выменіў бýка на інды́ка; Обецанкі – цацанкі, а дурнэму радосць; Брунь Божэ; Гвалт, ратунку!* и т. п. В приведенных паремиях приметами польского языка являются грамматические формы местоимения *ten*, прилагательного *durneti*; западнославянские рефлексы на месте полногласия: *zdrowo* – *здорово*, *główka* – *головка*; *bróń* – *оборони*; на месте «ять» в открытом слоге буква «я» вместо «е» (*biało* – *бело*; *widziało* – *видело*); с ← *tj на месте свойственного русскому языку книжно-славянского [щ] (*obiecanki* – *обещание*); усиление лабиализации [o→ó] в закрытом ударном слоге (*główka*, *wumówka*), фиксированное ударение на втором от конца слоге и др. Русскоязычное происхождение имеют закрепившиеся в нашем говоре выражения *Говорат, што кур доят*; *На чужы роток не накінеш платок*; *Курьца не птіца – баба не чоловік*; *Луччэ плоха ехатъ, чэм хорошо ідті*; *Ему плюнь ў глаза, а он скажэ: “Роса”*; *Луччэ сініца ў руках, чэм журавель ў небі*; *Любоў зла – любііш і козла* и др. Паремии украинского происхождения отграничить сложнее, так как часть местного говора, свойственная крестьянству, имела фонетические характеристики, близкие к украинскому языку: *Сам не гам і другому не дам – І сам не гам, і другому не дам* (укр.); *Не лізь ўпэрод батька в пэкло – Не лізь поперед батька в пекло* (укр.); *Буў кунь, да з’іздіўса – Був кінь, та з’їздився* (укр.). Украинское происхождение, с большой долей вероятности, имеет поговорка о негодной хозяйке: *Ну й господыня: тры городы, одна дыня*, если принимать во внимание номинацию *дыня* в структуре паремии (у нас дыни не растут).

Неоднородным выглядит паремический фонд местного говора и с точки зрения стилистической окраски. С одной стороны, пословицы и поговорки в русско- и польскоязычной огласовке сохраняют некоторый оттенок книжности, «культурности», воспринимаются в настоящее время как чуждые местному говору

(*На ўкус і на цвет товаришча нет; Бабы кіем не добіе*). С другой стороны, некоторые из устаревших и актуальных паремий содержат просторечную и даже вульгарную лексику: *Шчо ў пана ў губцы, то ў повара ў д...цы* – о том, что слуга легко может обмануть господина; *Докашчыку – г...но ў яшчыку* – о крайнем презрении к ябедникам и доносчикам; *Одпáлі кульбакі од с...кі* – о быстром охлаждении к работе и т. п. Однако поскольку пословицы, поговорки и иные устойчивые народные выражения бытуют в устной речи, то основу паремического фонда образуют выражения разговорного характера.

Вследствие хронологической и этимологической разнородности паремий воленского говора между устойчивыми образными выражениями прослеживаются некоторые элементы системности. Это синонимические отношения: *Відно птiцу по полёту – Відно пана по холявах; Хто прамо ходiць, дoдoму не прыходiць – Хто прoстue, той дoма не нoчуe; Помыйны руд – Сёмая вода на кіселю; За спрoс не б'ють ў нoс – Хто пытae, той не зблудiць; Нi шлык нi коўпак – Нi сoбi нi людям; Лёгкi на ўспoмiн – Прo воўка пoмoўка, a он – на пoруг* и др. В ряде случаев отмечены и варианты паремий, в структуре которых есть некоторые лексические отличия: *Трэйти руд – помыйны руд; Бэз прычыны і собачы хвуст не тэлапаецца – Бэз прычыны і собака не брэшэ; Дай Буг нашoму телятi воўка злoватi – Дай Буг нашoму телятi воўка спoйматi / спoйматi* и т. п.

Исследование в отдельном говоре паремического запаса приводит к мысли о том, что его формирование, состав и использование сходны в общих чертах с развитием и функционированием паремического фонда национального языка в целом, но вместе с тем отмечены этнокультурным своеобразием. Это своеобразие проявляется тем выразительнее, чем продолжительнее и сложнее судьба данного местного говора. Представляется, что предпринятый в статье анализ информативен для решения проблемы семантико-прагматического и историко-этимологического анализа диалектного паремического фонда славянских языков. И хотя нельзя объять необъятное, а отточенная методика лингвистического анализа славянских пословиц в диахроническом аспекте еще не разработана, хочется надеяться, что выполненное нами описание паремий говора полесской деревни Вулька Лавская может стать, как говорил В. М. Мокиенко, «мозаичным камешком в будущей общей картине» [6, с 17].

Литература:

1. Adalberg, Samuel. Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich / Samuel Adalberg. – Warszawa : Druk Emila Skińskiego, 1889–1894. – 864 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=18873>.
2. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология. Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 344 с.
3. Аппоев, А. К. Вербализация жизненного опыта социума в паремиях / А. К. Аппоев // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Выпуск 65. – № 13 (267). – 2012. – С. 5–7.

4. Гумилев, Н. Записки кавалериста. – 3 февраля 1915 – 11 января 1916 // Николай Гумилев. Электронное собрание сочинений. Проза. [Электронный ресурс]. – 2008 – Режим доступа : <https://gumilev.ru/prose/30/>.

5. Королевич, С. А. Следуя завету П. А. Расторгуева... (Этнолингвистические характеристики говора одной полесской деревни) // Российско-белорусско-украинское пограничье: научное взаимодействие в контексте единого социокультурного пространства : Материалы Международной научной конференции (г. Новозыбков, Брянская область, 23-24 октября 2014 г.). В 2-х ч. Ч.1 Славяноведение в пограничном регионе: Вторые Расторгуевские чтения / Под ред. В.В. Мищенко, В.Н. Пустовойтова, С.Н. Стародубец. – Брянск: РИО БГУ, 2014. – С. 17–26.

6. Мокиенко, В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) / В. М. Мокиенко // Мир русского слова. – 2010. – №3. – С. 6–20.

7. Памяць: Гістарычна-дакументальная хроніка Пінскага раёна. – Мінск : БЕЛТА, 2003. – 624 с.

8 Степанов, Евгений. Поэт на войне. Николай Гумилёв. 1914–1918. / Е.Степанов. – Часть 1. Выпуск 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gumilev.ru/biography/89/>.

S.A. KOROLEVICH

A.S. Pushkin Brest State University, Belarus

PAROEMIAS IN THE SUBDIALECT OF THE VULKA LAVSKAYA VILLAGE (BREST REGION)

The article analyzes paroemias as the signs of history, culture and language of a village; it defines the dependence of their composition, cognitive content and etymological characteristics of extralinguistic sociocultural factors; draws a conclusion on the specifics of the formation and functioning of the paroemic bank in the regional dialect of the border village.

Key words: *local dialect, paroemia, semantic-pragmatic organization, etymology, composition dynamics.*